УДК 930.2:003.345
DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.01

А. Е. Виноградов

Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры

Вопрос о генезисе салтово-маяцкой археологической культуры становится все более актуальным по мере раскрытия многообразия ее этнической картины. Рунические памятники бассейна Дона могли бы внести некоторую ясность, но попытки их расшифровки с помощью тюркских или иранских языков не дают убедительных результатов. В то же время параллели донских рун с балканскими по происхождению алфавитами дают основания и для фонетических сравнений. Полученные переводы отражают народно-латинскую лексику, что может свидетельствовать как о миграции из Подунавья, так и о культурном влиянии бывших провинций Рима.

Ключевые слова: руническая письменность; салтовская культура; миграции; народная латынь; Подунавье.

Открытие и исследование памятников одной из крупнейших восточноевропейских археологических культур раннего Средневековья — салтово-маяцкой (СМК) — положили начало дискусии о ее происхождении. Ее связывали с аланами [43: с. 72–79], болгаро-хазарами [5: с. 161–163], выделяли в ней два образования: лесостепное аланское и степное болгарское [26; 38: с. 98]. А. Е. Алихова сочла возможным атрибутировать культуру как преимущественно буртасскую, понимаемую как мордовскую с аланским влиянием [2: с. 64, табл. 2, 7, 9–11, 16–18, 20–21].

Некоторое присутствие пришлого, мадьярского, элемента в составе этой в целом аланской культуры допустил Ю. В. Готье [16: с. 73–74]. Исследователи пытались и до сих пор пытаются выделить в составе СМК характеристики, указывающие на промежуточную родину венгров — Леведию [59: s. 75–79; 44: с. 424]. С идеей о носителях СМК как смешанных тюрко-угорских племенах выступил В. К. Михеев [33: с. 23]. С. А. Плетнева отмечала устойчивость славянской гипотезы, особенно среди болгарских ученых [38: с. 6–7].

© Виноградов А. Е., 2020

Активно выделяемый в последних исследованиях такой значительный элемент СМК, как население, оставлявшее кремационные захоронения, отождествляется то с абхазо-адыгскими, то со славянскими, то с угорскими и другими племенами (см. обзор [1: с. 31]).

Артефакты СМК, представляющие собой специфические зеркала, могли иметь и кавказское (неаланское), и греческо-причерноморское происхождение [30]. Салтовские безурновые захоронения по обряду близки могильникам Северо-Западного Кавказа (Дюрсо), однако найденная в них керамика соответствует артефактам Пастырского городища Среднего Поднепровья, прообразы которых, в свою очередь, отражают дунайскую ремесленную традицию [12].

Кроме того, при строительстве белокаменных укреплений, ассоциируемых с СМК, использовалась византийская технология, опиравшаяся на римскую традицию [7]. Этому есть объяснения, опирающиеся на рассказ Константина Багрянородного о византийской помощи хазарам в возведении одной из крепостей. Но такая технология применялась в строительстве СМК практически массово [6: с. 47–50], что вряд ли объяснимо хазаро-византийскими отношениями, уже не говоря о том, что и сама территория СМК далеко не всеми связывается с Хазарским каганатом.

В свете открывающегося многообразия различных этнических и культурных черт в СМК становится все труднее объяснить, какое же начало помогало ей сохранять облик, по выражению С. А. Плетневой, единой, в общем, культуры [38: с. 8]. На наш взгляд, важным вопросом в этом контексте является прочтение руноподобной письменности, памятники которой были найдены на блоках Маяцкого городища и других артефактах, ассоциируемых с СМК.

Эти надписи читаются разными исследователями противоречиво. Например, знаки, начертанные на одной из фляг, найденных в Подонье, прочитаны по-тюркски так: «Кумыс… кумыс наливая… в это большое отверстие, пей». Надпись на другой фляге, найденной при строительстве дороги Сальск – Царицын, является как будто бы перечнем тюркских имен [52: с. 274]. Другие исследователи читают их совершенно в ином ключе: «Резная надпись, надежды надпись, это — сосуд дома (лежбища)» и «сосуд дома (лежбища), это — дом (лежбище) — святилище. Живя в этом доме, то, что в последний раз отведаешь — водка. Пей!» [9: с. 68]. Прочие варианты прочтения разных исследователей приводит И. Л. Кызласов: «Важный посланник ант (по имени) Уму Ачыг Анту, проживающий у двустенного (второго) города»; «(Это) есть дешевое, мягкое, плохое серебро» [24: с. 173].

Подобные переводы вызывают массу вопросов, поскольку большое отверстие на деле — малое, фляга определенно предназначалась не для кумыса. Обилие имен на фляге, которую возил с собой один-единственный всадник, вызывает иронию [43: с. 74], странно и употребление в данном контексте слов «лежбище», «плохое серебро» и т. д. Видимо, неслучайно и А. М. Щербак признавал малоперспективность прочтения салтовских рун исходя из традиционных письмен

восточных кочевников [52: с. 271], и современный тюрколог считает, что переводы классических памятников тюркского письма не помогли расшифровке восточноевропейской руники [32: с. 95].

Были попытки прочтения надписей на основе аланского или касожского (черкесского) языка, но они столь же неубедительны. Например, расшифровка Г. Ф. Турчаниновым надписи на большом камне из Маяцкого городища (по его мнению, трех разных надписей): «Урума (Грека) дочь Но (Новая). Анбал. Сауси» [43: с. 78] — также представляет собой перечень имен, только нетюркских.

Исследователи не зря проделали большую работу, пытаясь установить связи рун СМК с другими письменными системами. Так, по мнению Г. Ф. Турчанинова, сходство демонстрируют некоторые буквы глаголицы и производный от последней кириллический юс малый, особенно если иметь в виду палеографические отклонения от официального азбучного кодекса [Там же: с. 85]. И сейчас гипотезу о связях хазарских, по их мнению, надписей Подонья и глаголицы поддерживают некоторые специалисты, в частности Г. Веконь [58: s. 80]. Разнообразие в этнические трактовки добавляет и точка зрения Г. Е. Афанасьева, считающего по крайней мере одну из надписей Маяцкого городища греческой [8: с. 112].

В свою очередь, еще более ста лет назад ученые обратили внимание на сходство донских надписей с надписями на предметах клада из г. Надь-Сент-Миклош (Австро-Венгрия, Румыния), далее — НСМ [27: с. 27]. Наконец, из другой, юго-восточной части современной Румынии, из храмового комплекса Мурфатлар, происходит еще одна схожая руническая группа.

Все эти алфавиты указывают, на наш взгляд, не на восточные, а на западные связи СМК. Рунические надписи НСМ, по нашему мнению, восходят к североиталийским алфавитам [13]. Что касается памятников из Мурфатлара, то общепризнанного их прочтения не существует [31: с. 292], их знаки не похожи на известные тюркские алфавиты [24: с. 54]. Даже выделенная Н. Овчаровым по принципу близости к орхонско-енисейской местная группа знаков [57: p. 51] на деле в большинстве своем заметно отличается от тюркской классики по форме или по транскрипции.

Наиболее древние глаголические тексты также связаны с балканским регионом и Центральной Европой [50: с. 22, 30]. При этом часть знаков из Мурфатлара, чья нижняя датировка опускается к IX веку, напоминает глаголические (а также кириллические) формы; однако, как заметил Г. Веконь, они означают другие, неизвестные в славянских алфавитах фонемы [58: s. 78]. Возможно, речь идет об алфавите, послужившем в последующем образцом для глаголицы.

Вместе с тем имеется четкое указание на источник, в котором творение Мефодия (которому многие исследователи приписывают авторство глаголицы) квалифицируется как готские письмена [49: с. 48]. В этой связи нельзя пропустить свидетельство Валафрида Страбона, в IX веке отмечавшего близ

г. Томы остатки готского богослужения среди местных скифских народов [19: с. 79]. Учитывая, что именно в этой местности находится комплекс Мурфатлар и датировка сочинения франского монаха соотносится с «нижними» датами указанных надписей, их готские корни отнюдь не кажутся невозможными. На вероятность связи готского арианства, глаголицы и «русских письмен», которым обучился в Корсуни другой славянский просветитель — Кирилл, — указывал А. Г. Кузьмин [21].

Связь между предположительно (с учетом отсутствия достоверно готских рунических памятников для сравнения) готской протоглаголицей и появлением письменности СМК, в принципе, объяснима. Археологически зафиксированы волны постгуннских переселений с Дуная на территории, где позже отмечались памятники СМК. — от Нижнего Днепра до Северного Кавказа. Так, на левобережье Днепра и его притоках открыты престижные варварские захоронения конца IV–V веков, которые рассматриваются как свидетельство существования здесь германских королевств [18].

Германская волна в V–VI веках пошла дальше на юго-восток [40: с. 222–225], ее культурное влияние распространилось вплоть до Центрального Кавказа [14: с. 332; 29: с. 29], т. е. района, откуда началась миграция в донские области СМК. Среди германцев-переселенцев называют готов [3], герулов [55: s. 25–38], ругов [22: с 166.], вообще «другие германские племена», постепенно смешивавшиеся как между собой, так и с другими этносами [25: с. 220]. Среди вещей этих мигрантов отмечены гепидские артефакты [28].

Речь могла идти как о дунайско-германском этническом, так и в первую очередь культурном импульсе [11], который постепенно смешивался с алано-сарматской, понтийской, римской, кавказской и прочими культурными традициями [29: с. 27]. По одной из версий, готы и руги оказались в Причерноморье и в юго-восточном Приазовье в составе иранских племен, со временем смешиваясь с ними, отчего можно говорить о руго-роксоланской этнической общности [39: с. 16].

Дунайский импульс, вероятно, продолжался и позже, чем можно объяснить влияние на СМК и пастырской керамики, и римско-византийских традиций строительства, а также ее связи с балкано-дунайской культурой бассейна Нижнего Подунавья (БДК). С. А. Плетнева долгое время развивала мысль о ней как о распространившемся на запад варианте СМК [38: с. 8], при этом начало БДК относилось к концу IX – началу X века [36]. Однако в работах румынских археологов проходит мысль о сильной восточнороманской составляющей БДК (Дриду) [56: p. 54–56]. Нижняя граница ее датировки опускается до начала VIII века [35: с. 109–110], тогда как история СМК начинается лишь со второй половины VIII века [37: с. 52–53; 17: с. 155], и, соответственно, возникает вопрос о том, какая из них влияла на другую. В. Е. Флёрова допускает, что некоторые элементы погребальной обрядности донской СМК были привнесены в VII–VIII веках мигрантами из Карпато-Дунайского бассейна [48: с. 80].

В контексте указанного нет оснований отрицать саму возможность зарождения письменности СМК под воздействием западной (дунайской, готской) традиции, перешедшей к скифским народам.

Другое дело, что влияние этой традиции на руны СМК наиболее ощутимо в одной группе памятников, локализуемой в бассейне Дона и его притоков. Есть еще и вторая группа, ассоциируемая с гораздо более широким регионом (Северный Кавказ, район современной Калмыкии, Средней Волги — по И. Л. Кызласову, этот алфавит, который он называет кубанским, распространяется в том числе и в Волжской Болгарии [23: с. 74]).

Первая группа знаков представлена незначительным числом надписей и характеризуется не очень большим количеством знаков, но в ее особенности можно записать характерные повторяющиеся сочетания, а также сочетание знаков, роднящее СМК с письменностью НСМ.

Конечно, параллели между двумя группами восточноевропейской руники присутствуют. Однако, чем их объяснить? Согласно указанию Фахр ад-Дин Мубарак-шах Мерверруди (начало XIII века), письменность хазар происходит от письмен племени русов, при этом «они пишут слева направо» [45: с. 113]. Это указание представляется интересным в свете гипотезы Д. Т. Березовца – Е. С. Галкиной о носителях СМК как русах (ар-Рус) восточных источников [10: с. 69; 15: с. 176–191]: в таком контексте первая группа знаков представляет собой письмо русов, вторая — алфавит хазар, заимствовавший из него часть рун. Многое может объяснить и написание слева направо с учетом того, что попытки прочтения надписей СМК были основаны на тюркской традиции написания в противоположном направлении.

В своей версии прочтения мы исходили из указанной близости к знакам СМК североиталийских алфавитов, а также некоторых знаков глаголицы, того, что часто встречающееся сочетание двух знаков [24: с. 276; 4: с. 264; 52: с. 274] на определенно личных вещах означает местоимение первого лица единственного числа. Мы также предположили, что сочетание знаков, похожих на DN (повторяющееся и в НСМ), читается, согласно Мерверруди, именно слева направо и означает не что иное, как сокращение от латинского donum — «дар», так как слово «дар» для вещей особо выделялось в европейской (североиталийской, германской) рунике [20: с. 394].

Часть этой и других анализируемых надписей написана не буквами, а слоговыми (силлабическими) знаками. Однако наш перевод отражает не тюркскую или аланскую, равно как и готскую, а вульгарно-латинскую лексику.

Так, правый фрагмент надписи (или группа надписей) [43: с. 75–76] на смежных фрагментах большого блока Маяцкого городища, которая, по Г. Ф. Турчанинову, представляет собой набор личных имен, в нашей транскрипции гласит:

ENTHEC(A) SARSI.

В переводе:

ИНВЕНТАРЬ (Я) ЧИНИЛ.

По нашему мнению, данный перевод соответствует восходящему еще к Н. Е. Макаренко мнению современных исследователей, что многие знаки Маяцкого городища представляют собой знаки мастеров [8: с. 112], технические записи его строителей. В русле той же логики, например, и аланское прочтение О. А. Мудрака: «Эти» и «Осмотр/охрана стены» [34: с. 301–302], но наш перевод представляется более цельным.

Прочтение граффити на другом камне из этого же городища [24: с. 242; 52: с. 274] затрудняет лишь то, что оно неполное — первые символы почти стерты. По нашему предположению, эти символы соответствуют латинскому FA, а вся надпись читается так:

…(FA)CEA DOCUMEN.

С учетом особенностей все той же балканской латыни (ср.: *рум.* făcea — «сделали», восходящее к *лат.* facio):

…СДЕЛАЛИ ОБРАЗЦОМ.

Наша версия: форма и размеры камня, на котором эта надпись была сделана, действительно служили шаблоном для изготовления прочих каменных блоков.

Еще одно граффити на камне Маяцкого городища [52: с. 275]:

CELLAR(E) DOM(US).

Буквально:

ХРАНИЛИЩЕ[1] ДОМА.

Очевидно, камень использовался в качестве элемента не бесфундаментной крепостной стены, а одного из полуземляночных строений внутри или вне (на селище) ее.

По нашему мнению, как и надписи на камнях, следующие две надписи на флягах (баклажках) также содержат своего рода знаки мастеров. Наиболее длинная надпись на фляге, найденной в 1942 году близ станицы Кривянской [4: с. 267; 52: с. 272], является и наиболее сложной с учетом невысокого качества прориси:

LARGI FEA SUT(A) CAMUM STICL(A) MOD?
AMB(I)ENTAM CENTRITA.

Слово sticla является готским по происхождению [46: с. 753] и перешло в другие языки, в том числе славянские, но в исходном значении — «кубок», «бутыль», «сосуд для питья» — закрепилось лишь в балканской латыни. Fea в староитальянских текстах являлось синонимом производного от facio — «сделал» [53: с. 312]. Обращение к итальянским диалектам, на наш взгляд, не является натяжкой, поскольку в современных реконструкциях балканской

[1] Исходя из [54: p. 267] — подвал.

латыни в первые постримские века она продолжала испытывать влияние из Италии.

Centrita: сравнив староитальянское centrita и современное румынское centrat, получаем значение «выравнивать по центру», «центрировать». Оно соответствует сохранившимся оттискам на флягах, судя по которым указанные сосуды частично изготавливались на гончарном круге с выпуклостью в центре. (Эту же технологию дополняла, видимо, ручная лепка или формовка, что соответствует представлениям о смешанной технике изготовления салтовской керамики [47: с. 116].) Лощение сосудов в Средневековье осуществлялось как вручную, так и на гончарном круге [51: с. 113–114].

(Я) ШИРОКОЙ СДЕЛАЛ СКРЕПЛЕННУЮ ФЛЯГУ ДЛЯ БРАГИ
ПО РАЗМЕРУ УСЕРДНО (КРУГОМ) ОБРАБОТАЛ ПО ЦЕНТРУ.

Следующий текст [24: с. 276] на роговой накладке боевого лука — той самой, рядом с которой были найдены монеты начала VIII века, мы воспроизводим как:

MEA C…S D(O) OS VEA MEA CATUM CORIG ULM(US).

На наш взгляд, в надписи отражен старый вариант слова via (в значении «полоска» для одежды и др.) — vea, который до сих пор встречается в некоторых латинских дериватах, как и форма, когда объектное местоимение выступает в качестве существительного. Пропущенное при переводе слово, по-видимому, личное имя, так как формула «Я + имя» является типичной для начала европейских рунических надписей

Я К…С СДЕЛАЛ (ОБРАБОТАЛ) ПОЛОСКУ ИЗ КОСТИ
МНОЙ ИСКУСНО ВЫПРАВЛЕН ВЯЗ.

Отметим, что указанная накладка состоит из двух роговых полосок (в обиходе рог и кость зачастую считаются одним биологическим материалом). По нашему мнению, эта надпись содержит краткое описание технологии изготовления средневекового лука, типичным деревом для которого был вяз (*лат*. ulmus, *рум*. ulm). Его сначала распаривали, а затем размягченной деревянной основе придавали нужную форму.

Надпись на другой из вышеупомянутых фляг-баклажек [4: с. 264; 52: с. 274], на которой, согласно указанным версиям, начертан перечень тюркских имен или нечто вроде «важный посланник ант», по нашему мнению, содержит текст:

CULTA MONIL MEA MONELLA.

От классической латыни фраза отличается лишь тем, что во втором слове отсутствует последняя буква (в творительном падеже единственного числа это «I»). MEA в данном случае, как в балканской латыни, выступает в качестве личного объектного местоимения. Получаем следующий перевод:

УКРАШЕНО ДРАГОЦЕННОСТЬЮ, МНЕ НА ПАМЯТЬ.

За ответом на вопрос, «Где же драгоценность»? следует обратиться к фотографии фляги [4: с. 263]: верх горлышка у сосуда поврежден и, скорее всего, неслучайно. Данная фляга новому владельцу или грабителю, видимо, была не нужна: его интересовали лишь камни и он забрал их.

Вульгарно-латинская лексика надписей, по нашему мнению, объяснима. Она отражает факт того, что готская письменность, в полном соответствии с вышеизложенными археологическими и письменными данными, была частью культурного импульса различных скифских народов, исходной точкой для которых было постримское Подунавье.

Очевидно, что СМК при наличии в ней столь разной этнической составляющей просто не могла сохранять отмечаемого специалистами относительного единообразия без сильных скрепляющих элементов, каковыми могли быть традиции мультинациональной культуры поздней Римской империи и сам ее язык, ставший lingua franca для многих народов и государств от Северной Африки до разных частей Европы. Готские руны, очевидно, были использованы для записи латинского языка в силу того, что в регионах к северу от Дуная не было альтернативы ввиду утраты там традиций классической латинской письменности в указанный период. При этом некоторые характерные для германской руники символы целиком или почти целиком сохранили и облик, и звучание (ᛊ), другие сменили фонетическое значение на типичное для латинской речи (ᛜ — «ng» на «ea»).

Сделанные нами переводы более адекватны конкретным археологическим находкам, чем указанные выше: «сосуд дома (лежбища)» и «важный посланник ант», «дешевое, мягкое, плохое серебро» и т. д. Вместе с тем они, конечно, нуждаются в уточнении по мере находок и описаний новых артефактов СМК. Если логика переводов подтвердится, то, возможно, откроются новые перспективы в исследовании не только СМК, но и широкого круга этнокультурных процессов в Восточной Европе.

Литература

1. Аксенов В. С., Лаптев А. А. Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 12. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 25–50.

2. Алихова А. Е. Материальная культура среднецнинской мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 176 с.

3. Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма VI–VII вв. // Краткие сообщения института археологии (КСИА). 1968. Вып. 113. С. 10–23.

4. Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Советская археология. 1954. Вып. XIX. С. 263–268.

5. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления Северо-Западной Хазарии // Советская археология. 1940. Вып. VI. С. 130–167.

6. Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2. С. 43–55.

7. Афанасьев Г. Е. О строительном материале и метрологии хазарско-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 29–49.

8. Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 93–123.

9. Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавк. ареала древнетюрк. рунич. письменности к волго-дон. и дунайс. ареалам. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 293 с.

10. Березовец Д. Т. Про і'мя носіів салтівської культури // Археологія. Кіїв, 1970. Вип. XXIV. С. 59–74.

11. Болгов Н. Между империей и варварами. Финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Ц.-Східній Европі VI–VII. Кіїв, 2004. Вип. 4. С. 39–76.

12. Бубенок О. Б. Относительно участия славянского компонента в формировании салтовской культуры // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 301–315.

13. Виноградов А. Е. Этническая история Центральной Европы в свете надписей Надь-Сент-Миклошского клада // Locus. 2019. № 3. С. 53–69.

14. Гавритухин И. О., Казанский М. М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. 2006. № 13. С. 297–344.

15. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.

16. Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия Государственной академии материальной культуры (ИГАИМК). 1927. Т. 5. С. 65–84.

17. Казаков Е. П. Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 155–170.

18. Казанский М. М. Княжеские находки и центры власти гуннского времени на периферии Понтийской степи // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (МАИАСК). 2017. Вып. 9. С. 127–137.

19. Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви: в 3 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2017. 518 с.

20. Кузьменко Ю. К. К вопросу об источниках германского футарка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 16. С. 387–405.

21. Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987. С. 21–51.

22. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.

23. Кызласов И. Л. Новые материалы по степной рунологии Европы // Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 2000. Вып. 14. С. 74–81.

24. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 323 с.

25. Левада М. Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI. С. 194–251.

26. Ляпушкин И. И. Памятники Салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.

27. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 134 с.

28. Мастыкова А. В. Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI в. н. э.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 2017. Т. 22. № 5. С. 239–251.

29. Мастыкова А. В. Женский убор населения Предкавказья в эпоху Великого переселения народов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 51 с.

30. Мастыкова А. В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6: сб. трудов конференции / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.

31. Медынцева А. А. Надпись № 3 из Мурфатлара (с. Басараби, Румыния) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 291–303.

32. Мингазов Ш. Р. Тюркский каганат и булгары: первый государственный опыт интеграции Евразии // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. Т. 2. С. 93–97.

33. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Высща школа, 1985. 148 с.

34. Мудрак О. А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 296–416.

35. Опряну К. Х. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VIII вв.) // История Румынии: пер. с рум. / сост. И. А. Поп, И. М. Болован. М.: Весь мир, 2005. С. 37–110.

36. Плетнева С. А. Балкано-дунайская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 75–77.

37. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 246 с.

38. Плетнева С. А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 209 с. (Материалы и исследования по археологии СССР / АН СССР. Ин-т археологии; № 142).

39. Радомский Я. Л. Этнический состав Причерноморской Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 20 с.

40. Рябцева М. Л. Отражение германского присутствия на Боспоре в период великих миграций в письменных и археологических источниках // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 219–227.

41. Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. 29. С. 109.

42. Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIX. 1909. Янв. С. 67–98.

43. Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 72–87.

44. Тюрк А. Восточные корни древневенгерской культуры X в. // Древности. Исследования. Проблемы: сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова / под ред. В. С. Синики и Р. А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: б/и, 2018. С. 409–424.

45. Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 108–115.

46. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

47. Флёров В. С. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология восточноевропейской лесостепи. 1999. Вып. 14. С. 111–119.

48. Флёрова В. Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. 2001. № 2. С. 71–82.

49. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 319 с.

50. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.

51. Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

52. Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. 1954. Вып. XIX. С. 269–282.

53. Antonini (A.). Traité de la grammaire italienne. Paris: Ph.-N. Lottin, 1726. 480 [XXIV] p.

54. Du Cange F. C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Parisiis: Didot fr., 1842 t. II. 968 p.

55. Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle: Niemeyer, 1896. 269 [XII] s.

56. Madgearu A. The Dridu Culture and the Changing Position of Romania among the Communist State // Archaeologia Bulgarica. 2007. № 11–2. P. 51–59.

57. Ovcharov N. Murfatlar script. London, 2014. 57 p.

58. Vékony G. Die Glagolica und Osteuropäische Schriften in der Späten Völkerwanderungszeit // Hungaro-Bulgarica. V. I. Budapest: ELTE, 1986. S. 76–84.

59. Zakharov A., Arendt W. Studia Levedica: Archaeologischer der Beitrag zur Geschichte Levedia. Altungarn im IX. Jh. Budapest: Magyar Történeti Múzeum, 1935. 80 s.

Literatura

1. Aksenov V. S., Laptev A. A. Osvoenie lesostepnogo Podonczov`ya v xazarskoe vremya: vzglyad na problemu // Stepi Evropy` v e`poxu srednevekov`ya. Trudy` po arxeologii. T. 12. Xazarskoe vremya. Doneczk: DonNU, 2014. S. 25–50.

2. Alixova A. E. Material`naya kul`tura sredneczninskoj mordvy`. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1969. 176 s.

3. Ambroz A. K. Dunajskie e`lementy` v rannesrednevekovoj kul`ture Kry`ma VI–VII vv. // Kratkie soobshheniya instituta arxeologii (KSIA). 1968. Vy`p. 113. S. 10–23.

4. Artamonov M. I. Nadpisi na baklazhkax Novocherkasskogo muzeya i na kamnyax Mayaczkogo gorodishha // Sovetskaya arxeologiya. 1954. Vy`p. XIX. S. 263–268.

5. Artamonov M. I. Sarkel i nekotory`e drugie ukrepleniya Severo-Zapadnoj Xazarii // Sovetskaya arxeologiya. 1940. Vy`p. VI. S. 130–167.

6. Afanas`ev G. E. Gde zhe arxeologicheskie svidetel`stva sushhestvovaniya Xazarskogo gosudarstva? // Rossijskaya arxeologiya. 2001. № 2. S. 43–55.

7. Afanas`ev G. E. O stroitel`nom materiale i metrologii xazarsko-alanskix gorodishh bassejna Dona // Povolzhskaya arxeologiya. 2012. № 2. S. 29–49.

8. Afanas`ev G. E. E`volyuciya teoretiko-metodicheskogo podxoda k izucheniyu Mayaczkogo gorodishha // Divnogorskij sbornik / pod red. A. Z. Vinnikova. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2012. S. 93–123.

9. Bajchorov S. Ya. Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki Evropy`: Otnoshenie severokavk. areala drevnetyurk. runich. pis`mennosti k volgo-don. i dunajs. arealam. Stavropol`: Kn. izd-vo, 1989. 293 s.

10. Berezovecz D. T. Pro i'mya nosiiv caltivs`koï kul`turi // Arxeologiya. Kiïv, 1970. Vip. XXIV. S. 59–74.

11. Bolgov N. Mezhdu imperiej i varvarami. Final antichnosti na Bospore Kimmerijskom // Ukraïna v Cz.-Sxidnij Evropi VI–VII. Kiïv, 2004. Vip. 4. S. 39–76.

12. Bubenok O. B. Otnositel`no uchastiya slavyanskogo komponenta v formirovanii saltovskoj kul`tury` // Bosporskie issledovaniya. 2014. Vy`p. XXX. S. 301–315.

13. Vinogradov A. E. E`tnicheskaya istoriya Central`noj Evropy` v svete nadpisej Nad`-Sent-Mikloshskogo klada // Locus. 2019. № 3. S. 53–69.

14. Gavrituxin I. O., Kazanskij M. M. Bospor, tetraksity` i Severny`j Kavkaz vo vtoroj polovine V–VI vv. // Arxeologicheskie vesti. 2006. № 13. S. 297–344.

15. Galkina E. S. Tajny` Russkogo kaganata. M.: Veche, 2002. 432 s.

16. Got`e Yu. V. Kto by`li obitateli Verxnego Saltova? // Izvestiya Gosudarstvennoj akademii material`noj kul`tury` (IGAIMK). 1927. T. 5. S. 65–84.

17. Kazakov E. P. Problemy` stanovleniya saltovo-mayaczkoj kul`tury` // Arxeologiya evrazijskix stepej. 2017. № 1. S. 155–170.

18. Kazanskij M. M. Knyazheskie naxodki i centry` vlasti gunnskogo vremeni na periferii Pontijskoj stepi // Materialy` po arxeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kry`ma (MAIASK). 2017. Vy`p. 9. S. 127–137.

19. Kartashov A. V. Ocherki po istorii russkoj cerkvi: v 3 ch. Ch. 1. M.: Yurajt, 2017. 518 s.

20. Kuz`menko Yu. K. K voprosu ob istochnikax germanskogo futarka // Indoevropejskoe yazy`koznanie i klassicheskaya filologiya. 2010. № 16. S. 387–405.

21. Kuz`min A. G. Zapadny`e tradicii v russkom xristianstve // Vvedenie xristianstva na Rusi. M.: My`sl`, 1987. S. 21–51.

22. Kuz`min A. G. Nachalo Rusi. M.: Veche, 2003. 432 s.

23. Ky`zlasov I. L. Novy`e materialy` po stepnoj runologii Evropy` // Arxeologiya vostochnoevropejskoj stepi. Voronezh, 2000. Vy`p. 14. S. 74–81.

24. Ky`zlasov I. L. Runicheskie pis`mennosti evrazijskix stepej. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 323 s.

25. Levada M. E. «Drugie germanczy`» v Severnom Prichernomor`e pozdnego rimskogo vremeni // Bosporskie issledovaniya. Simferopol`; Kerch`, 2006. Vy`p. XI. S. 194–251.

26. Lyapushkin I. I. Pamyatniki Saltovo-mayaczkoj kul`tury` v bassejne r. Dona // Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR. Vy`p. 62. T. 1. M.; L.: AN SSSR, 1958. S. 85–150.

27. Makarenko N. E. Arxeologicheskie issledovaniya 1907–1909 gg. SPb.: Tip. Gl. upr. udelov, 1911. 134 s.

28. Masty`kova A. V. Zhenskij kostyum germanskogo proisxozhdeniya v pogrebal`nom kontekste rannevizantijskix gorodov Severnogo Prichernomor`ya (V–VI v. n. e`.) // Vestnik VolGU. Ser. 4. 2017. T. 22. № 5. S. 239–251.

29. Masty`kova A. V. Zhenskij ubor naseleniya Predkavkaz`ya v e`poxu Velikogo pereseleniya narodov: avtoref. dis ... d-ra ist. nauk. M., 2010. 51 s.

30. Masty`kova A. V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayaczkoj kul`tury` Srednego Dona // Divnogorskij sbornik. Vy`p. 6: sb. trudov konferencii / pod red. A. Z. Vinnikova. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2016. S. 241–254.

31. Medy`nceva A. A. Nadpis` № 3 iz Murfatlara (s. Basarabi, Rumy`niya) // KSIA. 2019. Vy`p. 257. S. 291–303.

32. Mingazov Sh. R. Tyurkskij kaganat i bulgary`: pervy`j gosudarstvenny`j opy`t integracii Evrazii // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2019. № 3. T. 2 S. 93–97.

33. Mixeev V. K. Podon`e v sostave Xazarskogo kaganata. Xar`kov: Vy`sshha shkola, 1985. 148 s.

34. Mudrak O. A. Osnovnoj korpus vostochnoevropejskoj runiki // Xazarskij al`manax. M., 2017. T. 15. S. 296–416.

35. Opryanu K. X. Severodunajskie zemli provincii Dakiya v period zarozhdeniya rumy`nskogo yazy`ka (II–VIII vv.) // Istoriya Rumy`nii: per. s rum. / sost. I. A. Pop, I. M. Bolovan. M.: Ves` mir, 2005. S. 37–110.

36. Pletneva S. A. Balkano-dunajskaya kul`tura // Stepi Evrazii v e`poxu srednevekov`ya. M.: Nauka, 1981. S. 75–77.

37. Pletneva S. A. Kochevniki yuzhnorusskix stepej v e`poxu srednevekov`ya (IV–XIII veka): ucheb. posobie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2003. 246 s.

38. Pletneva S. A. Ot kochevij k gorodam: Saltovo-mayaczkaya kul`tura. M.: Nauka, 1967. 209 s. (Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR / AN SSSR. In-t arxeologii; № 142).

39. Radomskij Ya. L. E`tnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 20 s.

40. Ryabceva M. L. Otrazhenie germanskogo prisutstviya na Bospore v period velikix migracij v pis`menny`x i arxeologicheskix istochnikax // Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (3). S. 219–227.

41. Semenov A. I. K vy`yavleniyu central`noaziatskix e`lementov v kul`ture ranne-srednevekovy`x kochevnikov Vostochnoj Evropy` // Arxeologicheskij sbornik Gosudarstvennogo E`rmitazha. 1988. Vy`p. 29. S. 109.

42. Spicyn A. A. Istoriko-arxeologicheskie razy`skaniya. Iskonny`e obitateli Dona i Doncza // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Novaya seriya. Ch. XIX. 1909. Yanv. S. 67–98.

43. Turchaninov G. F. O yazy`ke nadpisej na kamnyax Mayaczkogo gorodishha i flyagax Novocherkasckogo muzeya // Sovetskaya arxeologiya. 1964. № 1. S. 72–87.

44. Tyurk A. Vostochny`e korni drevnevengerskoj kul`tury` X v. // Drevnosti. Issledovaniya. Problemy`: sb. statej v chest` 70-letiya N. P. Tel`nova / pod red. V. S. Siniki i R. A. Rabinovicha. Kishinev; Tiraspol`: b/i, 2018. S. 409–424.

45. Umnyakov I. I. «Istoriya» Faxre`ddina Mubarakshaxa // Vestnik drevnej istorii. 1938. № 1 (2). S. 108–115.

46. Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka: v 4 t. T. 3. M.: Progress, 1987. 832 s.

47. Flyorov V. S. O texnologii izgotovleniya saltovo-mayaczkoj loshhenoj keramiki // Arxeologiya vostochnoevropejskoj lesostepi. 1999. Vy`p. 14. S. 111–119.

48. Flyorova V. E. Xazarskie kurgany` s rovikami: Central`naya Aziya ili Vostochnaya Evropa? // Rossijskaya arxeologiya. 2001. № 2. S. 71–82.

49. Foma Splitskij. Istoriya arxiepiskopov Salony` i Splita. M.: Indrik, 1997. 319 s.

50. Xaburgaev G. A. Staroslavyanskij yazy`k. M.: Prosveshhenie, 1986. 288 s.

51. Cetlin Yu. B. Keramika. Ponyatiya i terminy` istoriko-kul`turnogo podxoda. M.: IA RAN, 2017. 346 s.

52. Shherbak A. M. Neskol`ko slov o priemax chteniya runicheskix nadpisej, najdenny`x na Donu // Sovetskaya arxeologiya. 1954. Vy`p. XIX. S. 269–282.
53. Antonini (A.). Traité de la grammaire italienne. Paris: Ph.-N. Lottin, 1726. 480 [XXIV] p.
54. Du Cange F. S. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Parisiis: Didot fr., 1842 t. II. 968 p.
55. Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle: Niemeyer, 1896. 269 [XII] s.
56. Madgearu A. The Dridu Culture and the Changing Position of Romania among the Communist State // Archaeologia Bulgarica. 2007. № 11–2. R. 51–59.
57. Ovcharov N. Murfatlar script. London, 2014. 57 p.
58. Vékony G. Die Glagolica und Osteuropäische Schriften in der Späten Völkerwanderungszeit // Hungaro-Bulgarica. V. I. Budapest: ELTE, 1986. S. 76–84.
59. Zakharov A., Arendt W. Studia Levedica: Archaeologischer der Beitrag zur Geschichte Levedia. Altungarn im IX. Jh. Budapest: Magyar Történeti Múzeum, 1935. 80 s.

A. E. Vinogradov

Don Runes and the Genesis of the Saltov-Mayatsk Culture

The question of the genesis of the Saltovo-Mayatsk archaeological culture becomes more and more urgent as the diversity of its ethnic picture is revealed. The runic monuments of the Don basin could have brought some clarity, but attempts to decipher them from the Turkic or Iranian languages did not give convincing results. At the same time, the parallels of the Don runes with the Balkan alphabets in origin give grounds for phonetic comparisons. The translations received reflect the vernacular vocabulary that may reflect influences from the Danube as well as cultural influences from the former provinces of Rome.

Keywords: runic writing; Saltov culture; movement; vulgar latin; Danube.